

О. Р. ДЕМИДОВА

ПОДВОДЯ ИТОГИ: ЭМИГРАНТСКИЕ МЕМУАРНЫЕ ТЕКСТЫ О КОНЦЕ ЭПОХИ РОМАНОВЫХ

Статья посвящена осмыслению событий конца февраля – начала марта 1917 года свидетелями и участниками этих событий, получившему отражение в мемуарных текстах, созданных в 1920–1970-х гг. При всем разнообразии социальной принадлежности, предшествующего жизненного опыта, а также идеологических, политических и партийных установок и степени своего участия, мемуаристы оценивают Февральскую революцию в едином нравственном ключе, рассматривая ее как переворот, приведший не только к концу династии, но и к краху страны. Статья основана на обширном корпусе мемуарных и дневниковых текстов, как опубликованных, так и не введенных до сих пор в научный оборот.

Ключевые слова: *переворот, переговоры, анархия, насилие, мемуар, дневник, нравственная оценка, экзистенциальный опыт, будущее страны.*

Эмиграция как бытие в ситуации экзистенциального разлома располагает к воспоминаниям и размышлениям о прошедшем. Насильственно вырванный из привычного хода жизни обстоятельствами внешнего порядка и вынужденный начинать ее заново и практически с нуля в пространстве иной, чуждой ему культуры, эмигрант неизбежно обращается к прошлому, пытаясь осмыслить настоящее и обрести (или сохранить) себя в новых условиях. Типичная для эмигрантского сознания укорененность в прошлом выступает фактором, способствующим выживанию в настоящем с возможностью «прорасти» в будущем, соединив таким образом уже, казалось бы, безвозвратно утраченное и еще, как представляется, не обретенное.

В связи с этим утверждение о неукорененности потерявших родину людей в бытии представляется не вполне корректным, как минимум, по двум основаниям. Во-первых, родина, потерянная в физическом смысле, сохраняется в памяти на уровне образа и хранится ею, и утрата не делается тотальной, пока живет образ утраченного. Во-вторых, образ властно требует воплощения в слове, а ткань прежней жизни неуклонно прорастает в текстах, воссоздающих прошлое в мельчайших подробностях и делающих его почти осязаемым. В результате хронологически разные пласты бытия сопалагаются, поверяя друг друга и образуя некий бытийно-культурный палимпсест, что придает воспоминаниям онтологический статус. Перефразируя известную максиму, эмигрант мог бы утверждать: «Я помню, следовательно, я существую». Вероятно, именно этим объяс-

няется обилие мемуарных текстов в любой диаспоре, и русская эмиграция первой волны являет собой один из самых убедительных тому примеров: к мемуаристике рано или поздно обращались представители всех бывших российских сословий, социальных слоев, этнических групп и профессий. Разумеется, известность приобретали прежде всего изначально рассчитанные на публикацию воспоминания писателей, политиков, государственных деятелей и т.п., поскольку известность автора заведомо обуславливала интерес к тексту и его востребованность публикой. Однако значимость мемуарного текста для историка культуры не зависит от того, насколько публичной фигурой являлся его создатель, – или зависит в режиме «от противного»: нередко мемуары частных лиц, отложившиеся в официальных архивных собраниях или хранящиеся в семейном архиве, представляют не меньший, если не больший интерес, чем воспоминания известных персон, так как создатели подобных воспоминаний, как правило, менее сосредоточены на себе и более внимательны к окружению, подмечая его мельчайшие детали и подробности. И нередко воспоминания «просто эмигрантов» воссоздают атмосферу эпохи, течение жизни, ход событий, характеры, общий фон описываемого более широко, тонко и убедительно, чем тексты их знаменитых современников.

История мемуарной прозы первой эмиграции отчетливо подразделяется на два периода: межвоенный (1920–1939) и послевоенный (1950–1980-е гг.). Начало первого периода практически совпадает с началом эмиграции как таковой, что обусловлено не только спецификой феномена эмиграции, осознававшейся как изгнанничество, но и «стихийно» сложившейся жизненной и творческой практикой: как правило, первым выступлением писателя, государственного, политического или общественного деятеля в эмигрантской периодике становились воспоминания о пережитом в России в период между февралем – октябрем 1917 г. и в последовавшие месяцы или годы до эмиграции. В результате в 1920–1930-е годы увидело свет значительное число собственно мемуаров и мемуаро-дневников, повествующих об ушедшей в прошлое жизни, о революции и гражданской войне, о бегстве из России и начальном этапе скитаний на чужбине. К писательским текстам этого рода относятся «Мои воспоминания» С. Волконского (Берлин, 1923–1924), «Живые лица» З. Гиппиус (Прага, 1925), ее же «Синяя книга: Петербургский дневник 1914–1918» (Белград, 1929), «Санкт-Петербург: Видения» С. Горного (Мюнхен, 1925), «Петербургские зимы» Г. Иванова (Париж, 1928), «Затуманившийся мир» П. Пильского (Рига, 1929), «Воспоминания» Н. Тэффи (Париж, 1931), «Некрополь» В. Ходасевича (Брюссель, 1939) и мн. др.

Не менее представителен корпус изданных в те же годы воспоминаний политических и общественных деятелей: «Два пути (Февраль и Октябрь)» М.В. Вишняка (Париж, 1931); «Из воспоминаний А.И. Гучкова» (Последние новости. Париж. 1936. Август–сентябрь); 3-хтомник «Власть и общественность на закате Старой России: Воспоминания» (Париж, 1930) и «Первая Государственная Дума: Воспоминания современника» (Париж, 1939) В.А. Маклакова; двухтомная «Война темных сил» (Париж, 1928–1930) и «Отреченные дни Февральской революции» (Харбин, б.г.) Н.Е. Маркова; «Крушение Империи (Записки председателя Русской Государственной Думы)» М.В. Родзянко (Архив русской революции. Т. 27. Берлин, 1926); «Дни» В.В. Шульгина (Белград, 1921). В 1926 г. в Париже вышло в свет второе издание мемуарной книги М.М. Винавера «Недавнее (Воспоминания и характеристики)» (1-е изд.: Пг., 1917). В конце 1920-х гг. в ведущем парижском журнале эмиграции «Современные записки» под общим названием «Из воспоминаний» публиковались фрагменты мемуаров А.Ф. Керенского (1928. Кн. 37; 1929. Кн. 38-39); тогда же его воспоминания были изданы на немецком языке (Errinerungen. Von Sturz des Zarentums bis zu Lenins Staatsreich. Dresden, 1928).

После войны начался новый период в истории эмигрантской мемуаристики, вполне сопоставимый с первым как количественно, так и качественно. Пик послевоенного «мемуарного бума» пришелся на 1950-е годы; большинство из опубликованных тогда писательских воспоминаний вошли в золотой фонд эмигрантской мемуаристики: «Воспоминания» И.А. Бунина (Париж, 1950), «Дмитрий Мережковский» З.Н. Гиппиус (Париж, 1951), «Подстриженными глазами» и «Мышкина дудочка» А.М. Ремизова (Париж, 1951; 1953), «Поезд на третьем пути» Дон-Аминадо (Нью-Йорк, 1954), «Другие берега» В.В. Набокова (Нью-Йорк, 1954; русскоязычному изданию предшествовали два англоязычных 1951 г.: «Conclusive Evidence: A Memoir» и «Speak, Memory»; в 1967 г. вышел третий вариант: «Speak, Memory: An Autobiography Revisited»), «Бывшее и несбывшееся» Ф.А. Степуна (Нью-Йорк, 1956) и др. Корпус воспоминаний политиков и общественных деятелей также пополнился рядом значимых изданий: «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника» (Париж, б.г.) и «Из воспоминаний» (Нью-Йорк, 1954) В.А. Маклакова, «Пережитое» В.М. Зензинова (Нью-Йорк, 1953), «Перед бурей. Воспоминания» В.М. Чернова (Нью-Йорк, 1953) и др. Тогда же вышло в свет посмертное двухтомное издание воспоминаний П.Н. Милюкова (Нью-Йорк, 1955-1956).

В 1960-е –1970-е гг. были изданы «На Парнасе Серебряного века» С.К. Маковского (Мюнхен, 1962), «Встречи» Ф.А. Степуна (Мюнхен, 1962), «Далекое» Б.К. Зайцева (Вашингтон, 1965), «На берегах Невы» И. Одоевцевой (Вашингтон, 1967) и англоязычная версия «Курсива» Н.Н. Берберовой (Нью-Йорк, 1969; русскоязычная версия: Мюнхен, 1972 г.), «Russia and History's Turning Point» А.Ф. Керенского (L., 1968).

Отдельный корпус составляют воспоминания приближенных ко двору лиц, придворных и членов императорской фамилии: «С Царем и без Царя» последнего дворцового коменданта В.И. Воейкова (Гельсингфорс, 1936), «При дворе последнего Императора» начальника канцелярии министра двора ген. А.А. Мосолова (впервые опубли. в первых пяти номерах рижского еженедельника «Для вас» за 1937 г.; в том же году изданы отдельным изданием под названием «При дворе Императора» рижским издательством «Филин»), «Книга воспоминаний» в.к. Александра Михайловича (Париж, 1933), «Моя жизнь на службе России» в.к. Кирилла Владимировича (Лондон, 1939, на англ. яз.), «В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи» в.к. Гавриила Константиновича (Париж, 1953) и др.

Словный, профессиональный, возрастной спектр, представленный в эмигрантской мемуаристике, весьма широк. Кроме писателей, государственных, политических и общественных деятелей, к мемуарному жанру обращались военные разных рангов, от военачальников до нижних чинов; юристы, деятели искусств, врачи, сестры милосердия (от придворных дам до представительниц низших сословий). Соответственно, не менее широк идеологический спектр явленных в текстах точек зрения: от крайне правой до умеренно либеральной и радикально левой. Тематический диапазон охватывает практически все области российской действительности, от придворного, столичного и провинциального быта конца девятнадцатого – начала двадцатого веков до бытия эпохи исторических катаклизмов. Однако, о чем бы ни писали авторы: о «блистательном Санкт-Петербурге» с его придворными и дворянскими балами, театрами и выставками; о жестко иерархизированном мире петербургской чиновной знати; о вызывающей в памяти детство и юность усадебной жизни; о гимназическом и студенческом быте; о повседневности войны и военных госпиталях и лазаретах – все это в конце концов становится лишь создающим определенную атмосферу фоном для описания событий конца февраля – начала марта 1917 г., взорвавших привычный ход жизни, необратимо переломивших ее уклад, положивших конец трехсотлетней эпохе российской истории и через несколько ме-

сцев приведших к власти большевиков. В некоторых случаях ощущение неотвратимости конца эксплицитовано в названиях воспоминаний, их частей или в самом тексте, см., напр., уже упоминавшееся «Крушение империи» Родзянко, «Последний Петербург» И.И. Тхоржевского¹, одна из глав которого красноречиво названа «Перед обвалом» (Тхоржевский. 1999: 91-109), или название первой книги воспоминаний военного врача, видного деятеля Красного Креста и антикоммунистического движения Ю.И. Лодыженского² – «Из записок военного врача эпохи второго российского «Смутного времени» (1907–1925)» (Лодыженский. 2007: 17-236). Великий князь Кирилл Владимирович в конце жизни утверждал, что в последние месяцы правления Николая Второго «трудно было избавиться от ощущения, что все здание истощенной Империи угрожающе покачнулось и крах неминуем» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 237). Тхоржевский, вспоминая о политической обстановке в стране и внутриправительственных противостояниях в предвоенные годы, с горечью замечает: «“Мы” и “они” продолжали ссориться на краю бездны» (Тхоржевский. 1999: 88).

Истоки и причины крушения империи разные мемуаристы, в зависимости от своих идеологических предпочтений, определяют по-разному: не доведенные до логического завершения либеральные реформы Александра Второго; преждевременная смерть Александра Третьего³; негативное влияние Победоносцева на политику Александра Третьего и Николая Второго⁴; склад личности Николая Второго (Нико-

¹ Автор приступил к работе над воспоминаниями незадолго до смерти, в нач. 1950-х гг., и успел написать лишь две первые главы; его потомок С.С. Тхоржевский в 1999 г. подготовил текст к изданию, дополнив его рядом мемуарных очерков, опубликованных И.И. Тхоржевским в эмигрантской периодике в 1920-х – 1940-х гг.

² Воспоминания, написанные во второй половине 1960-х гг., подготовлены к изданию сыновьями мемуариста в 2007 г.

³ См. утверждение в.к. Александра Михайловича: «Преждевременная кончина императора Александра III приблизила вспышку революции по крайней мере на четверть века. /.../ Начиная со дня смерти императора Александра III в 1894 году, три силы приняли участие во внутренней борьбе за власть в России: монарх, царская фамилия и адепты революционного подполья. Симпатии же остального столетиядесятиmillionного русского народа делились между этими двумя лагерями, между престолом и анархией, и находились в зависимости от искусства каждой их борющихся сторон заручиться поддержкой народных масс» (Николай Второй. 1994: 280).

⁴ Тхоржевский писал в статье «Навстречу своему жребию», опубликованной в парижском «Возрождении» в 1940 г. и включенной составителем в «Последний Петербург»: «Александр III самый тяжелый тормоз прикрепил к крестьянскому делу. Это было основной ошибкой его эпохи, в России закреплялась община, а стало быть, крестьянская нищета и крестьянские коммунистические настроения. /.../ Про-

лай Второй. 1994: 294, 301-316; Гурко. 1927; Данилов. 1928: 212-213 и мн. др.) и его сыгравший фатальную роль для страны брак, прямо или косвенно повлекшие за собой Русско-японскую войну, первую русскую революцию, Манифест 17 октября, созыв Государственной думы как первый шаг к либерализации государственного устройства⁵, Первую мировую войну⁶, усиление влияния Распутина при дворе (Гурко. 1927); слабость и / или злой умысел правительства и «интеллигенции», предавших императора и интересы страны⁷ и мн.др. «О революции, ее причинах, развитии и течении написано более чем достаточно и со временем будет написано еще больше. За перо брались как ее сторонники, рассчитывавшие сделать карьеру и попасть в историю, так и противники, потерявшие все, вплоть до родины, и желавшие оправдаться перед потомством за совершенные ими глупости. Писали и «большие люди» в кавычках, в силу слепого случая сыгравшие крупную роль, и мелкота, не игравшая никакой роли, но все-таки бывшая «современником собы-

должать крестьянскую политику императора Александра III и К.П.Победоносцева значило продолжать в России «промедление времени» в крестьянском вопросе, длить русскую нищету. Вся первая половина царствования императора Николая II и была продолжением этой ошибки, упорствованием в ней» (Тхоржевский. 1999: 7); см. также главу «В Мариинском дворце», в которой мемуарист воссоздает мнение Столыпина о крестьянской реформе Александра Второго и ее судьбе в годы правления Александра Третьего (Тхоржевский. 1999: 35-36).

⁵ Ср. мнение в.к. Александра Михайловича: «Сын императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов департамента полиции. Это был – конец! Конец династии, конец империи! Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!» (Николай Второй. 1994: 342).

⁶ Тхоржевский вспоминает о предостережении Столыпина «Только война может погубить Россию», которое было забыто «в грозные предвоенные дни», а «инстинкт русского самосохранения был заглушен чувством великодержавности, международными иллюзиями» (15; 88).

⁷ См., напр., утверждение в.к. Кирилла Владимировича о реакции правительства на события в Петрограде накануне Февраля: «Правительство почти ничего не делало для прекращения беспорядка в Петрограде. /.../ Если бы в то время были приняты энергичные меры, чтобы предупредить назревающую бурю, то все еще можно было спасти. Но ничего не предпринималось, и все, как будто намеренно, было оставлено на волю случая /.../ Почву для революции подготовили именно те люди, которые были обязаны своим высоким положением Государю. Русский народ не виноват, он был обманут. Справедливо говорится, что «революции вынашиваются под цилиндрами», в головах образованной публики, «интеллигенции» из профессоров и социальных теоретиков. Никто, кроме них, не хотел революции, и именно на них лежит вина за смерть Государя и за те муки, которые вот уже 21 год терпит Россия» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 236, 237, 238).

тий». Большинство их теперь ушло в лучший мир, и все писания, мемуары, воспоминания слились в головах потомства в хаос, малопонятный и запутанный», – утверждал бывший морской офицер Б.В. Бьёркелунд в мемуарном фрагменте «Революция 1917 года», написанном в 1965 г. (Бьёркелунд, 2013: 39)⁸.

Однако при всем многообразии воспоминаний и неоднородности установок их авторов, тексты составляют некий единый мемуарный корпус с присущими ему типологическими характеристиками. Первая из них – отношение к описываемым событиям в исторической перспективе. Почти все мемуаристы более или менее сходятся в оценке Февральской революции как поворотного момента в истории, ставшего для династии и империи роковым и сразу либо через несколько месяцев приведшего страну к краху, хотя, по утверждению в.к. Гавриила Константиновича, поначалу «никто не предвидел всех трагических последствий переворота с его роковым концом» (Великий князь Гавриил Константинович, 1993: 219). Правда, сопоставление с другими текстами позволяет усомниться в справедливости этого утверждения. Тхоржевский ощутил февральские события «как бездну», а отречение Николая Второго – как роковой рубеж (Тхоржевский, 1999: 13). Доктор Лодыженский, руководивший лазаретом им. в.к. Михаила Александровича, развернутом в Киеве, куда революционная волна докатилась несколько позже, вспоминает, что при известии о петроградских событиях «старшая сестра княгиня Нина Владимировна Вадбольская⁹ сразу впала в крайний пессимизм», которого он «тогда не разделял», и признает: «Оказалась права она, а не я» (Лодыженский, 2007: 118). Воейков, воссоздавая события конца февраля – начала марта 1917 г., известия о ко-

⁸ Впервые опубликован в парижском журнале «Русская бль» (1970. № 107.

⁹ Вадбольская Нина Владимировна (урожд. Шишкина, в первом браке Зубова; ? – 1965) – княгиня, жена кн. Н. П. Вадбольского; в годы Первой мировой войны старшая сестра лазарета в.к. Михаила Александровича, награждена Георгиевской медалью; в эмиграции в Югославии (с 1921), умерла в Брюсселе; см. ее воспоминания о начале работы в лазарете: «Там (в Киеве – О.Д.) встретила своего мужа, который провел меня к Великому Князю М.А. Встретилась очень радостно и, как всегда, вспоминали балы для институток (Смольного института) в залах Зимнего дворца. Поговорили, какое помещение устроить для больных дивизии Великого князя, офицерский госпиталь или лазарет. Он сказал, что дает мне полную уверенность на ведение всего этого дела: приглашение всего персонала, врачей, сестер и других служащих. /.../ Старшего врача мы выбрали вместе. Я предложила хирурга Юрия Лодыженского (так! – О.Д.), брата Владимира Лодыженского, убитого в дивизии Великого Князя. Он был молодой, неопытный, но прекрасной души человек. С ним у нас дало очень хорошо ладилось» (Вадбольская. Б.г. Л. 7).

торых доходили до Ставки, расположенной в Могилеве, вспоминает финал речи П.А. Столыпина, произнесенной в 1910 г. в Государственной Думе: «Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования сверг бы Россию в геенну огненную», и резюмирует: «Пророчество П.А. Столыпина вполне сбылось: из телеграмм и доходивших до меня сведений я узнал, что одновременно с властью Исполнительного Комитета Государственной Думы в Петрограде в последних числах февраля возникла новая параллельная власть – совета рабочих и солдатских депутатов» (Воейков. 1994: 147-148).

Начало и ход мартовских событий описаны в мемуарных и дневниковых текстах типологически сходным образом как начало полной анархии, разгул беззакония и торжество дикой и бессмысленной стихии, взбунтовавшейся черни, которую никто даже не пытался обуздать. Воссоздавая увиденное 2-го марта на углу Жуковской улицы и Литейного проспекта, кн. Ф.В. Беннигсен, только что вернувшаяся с мужем с фронта, где она на протяжении трех лет служила сестрой милосердия, передает ощущение ужаса и невозможности поверить в реальность происходящего: «Эти первые автомобили, наполненные солдатами с пулеметными лентами через плечо, с развевающимися красными флагами, – произвели на меня такое ужасное впечатление, что я долго не могла прийти в себя. Так это было непохоже на то, что я всегда привыкла видеть, на тех солдат, с которыми я имела дело 3 года на фронте, среди которых так долго жила. В автомобилях были также и женщины: увешанные пулеметными лентами, с револьвером в руках, они ехали обнявшись с солдатами, что-то кричали и махали красными флажками. На крыльях автомобилей лежали солдаты, держа ружья наперевес, с взведенными, очевидно, курками, так как руки у них были на курках. На подножках тоже стояли солдаты; все это несло по улице под непрерывный рев сирен автомобилей, при криках солдат и женщин. Публика на улице сторонилась от них, очень немногие снимали шапки, но все были испуганы и взволнованы /.../ Мы еще прошли немного на Литейную. Там народу было больше, автомобили носились взад и вперед, было много пьяных и оборванцев. На Невском толпа стояла сплошной стеной, как будто ждали что-то, и в воздухе носилось что-то угрожающее. /.../ Магазины все были закрыты, и дворники с перепуганными лицами закрывали ворота» (Беннигсен. Б.г. Л. 15). Представительница совершенно иного сословия, мещанка В.П. Шелепина, тоже фронтовая

сестра милосердия, прибывшая в Петроград в начале 1917 и работавшая в Общежитии увечных воинов, описывает происходившее в мартовские дни в иной стилистике и в более сжатом, но не менее выразительном варианте: «Начались беспорядки по всему городу. Стали арестовывать, заключать в тюрьмы, а потом расстреливать; многие не могли вернуться домой. На улице отбирали документы. Днем нельзя было ходить по улице, а ночью ходили по домам и арестовывали, и больше они не возвращались. Их ожидала тюрьма и расстрел» («Претерпевший до конца спасен будет». 2013: 16). Бьёркелунд, в феврале 1917 находившийся в Петрограде после фронтовой контузии «в командировке в отряд /.../ новобранцев», получил приказ явиться в экипаж утром 27 февраля, обеспечить поддержание порядка в собственной части и оставаться там ночевать, «чтобы при первой тревоге быть на месте»; около семи часов вечера его рота получила «распоряжение командира идти на Театральную площадь и заблокировать движение по Офицерской улице со стороны Коломны». Бьёркелунд вспоминает, что в городе, где шло восстание, слышны были пулеметная и ружейная стрельба, рев и вой толпы, пение революционных песен, прерываемое криками «ура», на Невском собрались громадные толпы; утром стало известно, что власть перешла к Комитету Государственной думы во главе с Родзянко и что Дума послала А.И. Гучкова и В.В. Шульгина делегатами в Ставку к Николаю Второму, чтобы добиться его отречения. Мемуарист квалифицирует все в совокупности как «бунт, в котором принимают участие лица, никоим образом этого делать не должны» (Бьёркелунд. 2013: 22-25, 28, 30). В.к. Кирилл Владимирович описывает воцарившиеся в столице «хаос, беззаконие и диктат толпы»: «Уличная стрельба не прекращалась ни днем, ни ночью, причем трудно было понять, кто с кем воюет. Петроград оказался в руках у враждующих преступных банд, которые бродили повсюду, грабя магазины и склады¹⁰. По ночам они собирались вокруг костров на перекрестках и развлекались тем, что орали, пели и стреляли в каждого, кто осмеливался показаться на пустынных улицах обреченного города. Вооруженные бандиты грабили винные погреба гостиниц и частных домов, и от них можно было ожидать все что угодно. Они еще больше обнаглели, когда поняли, что против мятежников не принимается никаких мер, и почувствовали власть в своих руках»

¹⁰ Ср. воспоминания Бьёркелунда о 28 февраля: «Я пошел в свою роту. К моему изумлению, столы там были завалены голландскими сырами. Команда объяснила мне, что они их подобрали на площади около Николаевского моста, где толпа разгромила лавку» (Бьёркелунд. 2013: 29).

(Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 239). В.к. Гавриил Константинович днем 26 февраля с трудом доехал до дому, поскольку «Троицкий мост был запружен толпами народа», а в последующие «тревожные и мрачные дни /.../ сидел дома и никуда не показывался». В воспоминаниях он не стал «распространяться о кошмарных днях начала революции, о которых так много писалось», однако упомянул о весьма характерном эпизоде: в первые же дни у него «был отнят автомобиль», перешедший к военному министру А.И. Гучкову, «и он даже на нем поехал в Псков, к Государю, потребовать его отречения. Дороги, впрочем, оказались столь плохи, что ему пришлось вернуться и ехать поездом» (Великий князь Гавриил Константинович. 1993: 219, 220).

Авторы цитированных выше и многих других воспоминаний и дневников дают весьма эмоциональную оценку событий, независимо от ракурса восприятия (политического и/или нравственного) определяя происходящее как нечто аномальное¹¹, недопустимое, катастрофическое и достаточно предсказуемое по возможным последствиям. Происходившее воспринималось, откладывалось в памяти и воссоздавалось в тексте в режиме непосредственного отклика на события или по прошествии ряда лет как результат трагической предопределенности или как полная неожиданность, но в любом случае – как нечто необратимое, как разразившаяся над страной трагедия рока или наказание свыше, см. утверждение кн. Беннигсен: «И вдруг, как Божий гнев, разразилась революция...» (Беннигсен. Б.г. Л. 13). Сопоставление текстов позволяет выявить ряд наиболее значимых для авторов частотных определений с перекрывающимися друг друга семантическими полями: «хаос», «ужас», «кошмар», «бездна», «катастрофа» и т.п.; Шульгин впоследствии вспоминал о «зияющей пустоте», образовавшейся после падения царского правительства (Шульгин. 1994: 141).

На этом фоне весьма сдержанными представляются дневниковые записи в.к. Михаила Александровича, чья судьба, как и судьба всей династии, решалась в эти самые дни: «Когда мы приехали в Петроград, то было сравнительно тихо, к 9 ч. по улицам уже началась стрельба и почти все войска стали революционными, *старая власть больше не существовала* – ввиду этого образовался временно-исполнительный комитет, кот<орый> и начал отдавать распоряжения и приказания» (27

¹¹ Бьёркелунд, например, вспоминая свои действия 1 марта, пишет: «В этот день 1-го марта 1917 года я как раз пытался вернуться самому и вернуть три с половиной тысячи человек к тому порядку, который я считал естественным и нормальным» (Бьёркелунд. 2013: 33).

февраля, маркированное как «начало анархии»; курсив мой – О.Д.); «Мы проснулись от усиленной езды автомобилей, как легковых, так и грузовых, переполненных солдатами и стреляющими, преимущественно в воздух – раздавались и сильные выстрелы от ручных гранат. Солдаты кричали ура; все автомобили разъезжали с красными флагами, и у всех были красные ленты или банты на груди или в петлицах» (28 февраля); «На улицах продолжалась, как вчера, та же езда на автом<обиях>, стрельба. /.../ Слышали о нескольких убийствах по соседству, совершенных солдатами» (1 марта); «Езда на автомобилях продолжалась, стрельба прекратилась, солдаты заполняли все улицы, не обращая никакого внимания на офицеров, – вообще должен прибавить, что все последние дни царил полная анархия» (2 марта) (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 396, 397, 398). Анархия как результат и закономерная поведенческая экспликация сложившейся накануне полного краха ситуации безвластия, отмеченной в первой записи, становится экзистенциальной доминантой восприятия событий и смысловой рамкой попытки их вербального отображения.

Записи Михаила Александровича последовательно воспроизводят ход событий, повлекших за собой отречение Николая Второго в ночь на 2 марта и его собственное, последовавшее менее суток спустя: телеграфные переговоры с ген. М.В. Алексеевым 27 февраля, визит депутации с проектом подписанного великими князьями Павлом Александровичем и Кириллом Владимировичем «Манифеста великих князей»¹² 2 марта, переписку с Родзянко 1 и 2 марта¹³, противостояние Временного правительства и Петроградского Совета. Однако записи не развернуты, автор выступает лишь как добросовестный регистратор, фиксирующий основные приметы происходящего и намеренно избегающий оценок и выражения эмоций какого бы то ни было рода; единственное эмоционально окрашенное утверждение встречается в письме Михаила Александровича к

¹² В «Манифесте», который принято рассматривать как одну из последних отчаянных попыток спасти династию, от имени императора Николая Второго председателю Государственной Думы предлагалось «немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 610).

¹³ Содержание письма великого князя Родзянко неизвестно, однако после него на Миллионную, 12 прибыл караул из школы прапорщиков для охраны Михаила Александровича; в ответном письме от 2 марта Родзянко призывает Михаила Александровича «угovorить» Николая Второго добровольно отказаться от престола за себя и за наследника в пользу брата; текст письма см. в: (Никитин. 2007: 170).

жене, Н.С. Брасовой. от 1 марта: «События развиваются с ужасающей быстротой (курсив мой – *О.Д.*)» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 499). В записи от 3 марта, сделанной после отречения, речь идет лишь о раздавшемся в шесть часов утра телефонном звонке Керенского, сообщившего о намерении нового правительства «в полном составе» приехать к великому князю через час и об опоздании министров на два с половиной часа (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 398)¹⁴. В записке к Брасовой, написанной в тот же день, накануне отъезда из Петербурга, Михаил Александрович сообщает, что «страшно занят и крайне утомлен» и обещает при встрече рассказать «много интересного» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 499).

В дневниках и воспоминаниях современников последнему акту истории династии, разворачивавшемуся 3 марта 1917 года в квартире кн. Пугатина на Миллионной, 12, где в дни переворота жил в.к. Михаил Александрович, уделено значительно больше внимания. В дневнике французского посла в России М. Палеолога совещанию членов правительства с великим князем, в ходе которого решалось, возлагать ли последнему на себя императорские обязанности, посвящена развернутая многостраничная запись, сделанная на следующий день, 17 марта по новому стилю, на основании рассказа одного из участников совещания (Палеолог. 1991: 362-365); о нем же идет речь и в обширной дневниковой записи в.к. Андрея Владимировича, текст которой также основан на рассказе очевидца («Позорное время переживаем». 1998: 53). Из рассказов следовало, что «обмен мнений длился около 3-4 часов» и в продолжение «всех этих долгих и тяжелых споров великий князь ни на мгновение не терял своего спокойствия и своего достоинства», несмотря на то, что волнение всех членов правительства «было большое» и «во время совещания все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всех прикончить, хотя поездка к Мише держалась в тайне. Боязнь контрреволюции у всех была большая» («Позорное время переживаем». 1998: 53, 365, 53).

Об отречении Николая Второго и в.к. Михаила Александровича писали многие современники, очевидцы и непосредственные участники событий: Керенский в двух книгах воспоминаний и в различных мему-

¹⁴ Ср. дневниковую запись от 2 марта 1917, сделанную Николаем Вторым после отречения: «Нужно мое отречение. /.../ Я согласился. /.../ В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман» (Отречение Николая II. 1990: 34).

арных фрагментах (с существенными разночтениями), А.И. Гучков и В.В. Шульгин, П.Н. Милюков, друживший с в.к. Михаилом Александровичем со времен службы на Юго-Западном фронте и впоследствии располагавший архивом кн. Брасовой контрразведчик капитан Б.В. Никитин, английский посол в России Дж. Бьюкенен, Воейков, Мосолов, генерал-квартирмейстер Ставки верховного главнокомандования и начальник штаба главнокомандования Северным фронтом в 1914–1917 годах Н.А. Данилов – один из свидетелей отречения Николая II¹⁵, члены императорской фамилии и «рядовые» мемуаристы, по-разному оценивая произошедшее и определяя его причины. В.к. Кирилл Владимирович вспоминал: «3 марта 1917 года по старому стилю наступила внезапная развязка ужасной трагедии. Это была катастрофа. В ночь на 3 марта Государь отрекся от престола от своего имени и от имени цесаревича Алексея. Великий князь Михаил отказался принять на себя управление страной. Вся власть перешла к правительству. Это был самый печальный день в моей жизни. Будущее утратило всякий смысл. /.../ Казалось, будто сама земля разверзлась под ногами. /.../ Занавес опустился. Все погрузилось во тьму. Не оставалось ничего другого, как испить горькую чашу жизни до конца в надежде, что после Голгофы настанет Воскресение» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 243, 244). С ним на эмоционально-оценочном уровне перекликается более сдержанный стилистически текст воспоминаний в.к. Гавриила Константиновича: «Через несколько дней пришло ужасное известие об отречении Государя. Мне было очень тяжело и больно» (Великий князь Гавриил Константинович. 1993: 219). Бьёркелунд, вопреки убеждению в том, что «режим сгнил и гангрена охватила все, соприкасавшееся с ним», считал, что после отречения Николая Второго «все надежды на спасение рухнули окончательно»: «кругом царил хаос, /.../; мне казалось, что все сошли с ума, и это впечатление усиливалось тем, что кругом меня царила общая радость, тогда как я считал, что страна гибнет, и был в совершенном смятении» (Бьёркелунд. 2013: 32, 41, 40)¹⁶. Две из уличных «зарисовок» в записках

¹⁵ Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 212-242; перепечат. в: Николай Второй. 1994:419-453.

¹⁶ Ср. с другим его утверждением, характеризующим причины внутреннего смятения, в котором пребывало морское офицерство: «Одним из столпов всех установок был Царь. Это была личность для нас символическая, и за нее любой из нас должен был быть готов отдать все, вплоть до жизни. И вдруг этот Царь отказался быть Царем, и в то же время жизнь у нас стали отнимать за то, что мы готовы были отдать ее за Царя, и именно тогда, когда Царю она была совершенно не нужна. /.../

кн. Беннигсен недвусмысленно символизируют крах бывшего имперского величия, позволяя предвосхитить дальнейшую судьбу страны: «Со всех аптек снимают Государственные Гербы, и толпы народа молча смотрят на это»¹⁷, а вид сожженного здания Окружного суда «невольно приводит в трепет. Это какой-то поруганный мертвец. /.../ И как насмешка над судом людским, над воротами, над мраморным барельефом, сияет сохранившаяся золотая надпись: «Да будет Суд скорый, правый и милостивый!». Прочтя опубликованный Манифест об отречении императора Николая Второго за себя и за сына и Акт об отречении Михаила Александровича, княгиня и члены ее семьи почувствовали «какой-то вихрь, хаос, который закружил, /.../ пропасть, из которой тянулись призраки анархии и разнузданных народных страстей» (БАР. Собр. А.П. и Ф.В.Беннигсен. Л. 18, 19, 20).

Преданный слуга престола ген. Мосолов, размышляя о причинах катастрофы, выражает убеждение, что роковую для страны и династии роль сыграли физическая разъединенность императорской семьи в мартовские дни и ее разобщенность, начавшаяся задолго до переворота¹⁸, а также фактор неожиданности: «И Николай Александрович, и Михаил Александрович приняли свои решения одни, без всякой попытки снестись с родными, не посоветовавшись ни с кем из них, ни даже между собою»¹⁹. Революционная волна была для них столь неожиданна, что отрезала всякую возможность совещаний. Однако Государь в роковой

Люди, в силу революции вышедшие в министры и представители власти, говорили и делали вещи, совершенно не укладывавшиеся в понятие и представления морского офицера, а матросы – «команда» – оказались не «христоробивым воинством», а разбойниками, убийцами и трусливыми спекулянтами» (*Бьёркелунд*. 2013: 8).

¹⁷ Ср. воспоминания Лодыженского, вынужденного «ради ограждения больных от всегда возможных эксцессов толпы снять вывеску (Лазарет в.к. Михаила Александровича – О.Д.) и царские портреты» (*Лодыженский*. 2007: 118).

¹⁸ См. название соответствующих глав: «Ни одного» и «Разъединение Императорской фамилии» (*Мосолов*. 1992: 118, 119).

¹⁹ По сведениям Никитина, в.к. Михаил Александрович 1 марта отправил брату телеграмму, в которой «как любящий брат и преданный русский человек» призывал его, «забыв все прошлое /.../ пойти по новому пути, указанному народом (10; 169); Николай, направляясь после отречения в Могилев, послал брату, «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму», в Петроград телеграмму: «События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь верным и преданным братом. Горячо моллю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники» (Скорбный путь Михаила Романова. 1996: 41); однако, по утверждению Н.С. Брасовой, Михаил Александрович этой телеграммы не получил (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 618).

день не мог внять совету семьи не только по материальным условиям, но и вследствие постепенно сложившихся отношений. Этот росчерк пера во Пскове стоил жизни семнадцати членам династии меньше чем за два года» (Мосолов. 1992: 118). Главе партии кадетов Милюкову «мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией для перехода к конституционному строю» (цит. по: Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 615), а секретарь фракции октябристов в 3 и 4 Государственной думе и ближайший сотрудник Гучкова Н.В. Савич полагал, что «Акт» Михаила Александровича уничтожил «парламентский строй», введенный Манифестом об отречении от престола его старшего брата (Савич. 1993: 208).

Очевидно, что, кроме факторов сословного, социального, гендерного, политического и идеологического порядка, мемуаристов отличает друг от друга характер самоидентификации по отношению к происходящему. С этой точки зрения авторы всех цитированных и многих других текстов представляют несколько групп: добровольные творцы истории, ее невольные участники, свидетели и жертвы и составляющие отдельную группу наблюдатели, к которым относятся, главным образом, послы и другие представители иностранных государств, оказавшиеся в России в период февральских / мартовских событий. При этом избранная позиция задает не только конструируемое в тексте представление о характере собственных действий и действий других персонажей, но и их нравственную оценку. Осознающие себя творцами истории в собственном восприятии прошлого выступают носителями некоего сверхзнания, дающего право на ненормативные действия: они, как им представляется, задают и направляют ход событий, делая определенные прогнозы на будущее и оправдывая свои действия заботой о благе страны и народа, ср., напр., воспоминания Шульгина о понимании задач, стоявших перед Временным комитетом Государственной думы, образованным 27 февраля: «Может быть два выхода: все обойдется – Государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие» (Шульгин. 1989: 125). На подобного рода мотивировке основывает в.к. Кирилл Владимирович описание своего похода к Государственной думе во главе Гвардейского экипажа и с «красным бантом»: «В последние дни февраля анархия в столице достигла таких масштабов, что правительство (Временный комитет Государственной думы – О.Д.) обратилось к солдатам и командирам с воззванием, предлагая прийти к Думе и таким образом продемонстрировать лояльность. Этой мерой правительство предполагало хоть в какой-то степени восста-

новить порядок. /.../ Распоряжение правительства поставило меня в очень неловкое положение. Так как я командовал Гвардейским экипажем, входящим в состав столичного гарнизона, приказ правительства – последнего, хотя жалкого прибежища власти в Петрограде – распространялся на моих подчиненных /.../ и, более того, он касался меня лично как командира. Я должен был решить, следует ли мне подчиниться приказу правительства и привести моих матросов к Думе или же подать в отставку, бросив их на произвол судьбы в водовороте революции. /.../ Меня заботило только одно: любыми средствами, даже ценой собственной чести, способствовать восстановлению порядка в столице, сделать все возможное, чтобы Государь мог вернуться в столицу» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 241-242).

Современники – свидетели событий, силою исторических обстоятельств вынужденные сделаться их участниками, расценили этот и подобные ему поступки несколько иначе. Ген. Мосолов пишет о нем внешне бесстрастно, однако событийный контекст, в который помещен рассказ, и семантический ряд придают ему отчетливо негативную коннотацию: «Великий князь Кирилл Владимирович во главе командуемого им гвардейского экипажа отправился в Думу, надеясь этим способствовать установлению порядка в столице и спасти династию в критический момент. Попытка эта не нашла поддержки и осталась безрезультатной. Наместник на Кавказе Николай Николаевич коленапреклоненно умолял царя об отречении» (Мосолов. 1992: 118). В беспощадно иронической тональности описывает этот эпизод Воейков: «Великий Князь разъяснил матросам значение происходивших событий. Результатом разъяснения было не возвращение матросов дезертиров к исполнению службы, а решение заменить Высочайше пожалованное экипажу знамя красной тряпкой, с которой Гвардейский Экипаж и последовал за своим командиром в Государственную Думу. /.../ Великий Князь Кирилл Владимирович, с Царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече, явился 1-го марта в 4 часа 15 мин. дня в Государственную думу, где отрапортовал председателю Думы – М.В. Родзянко» (Воейков. 1994: 158). Бьёркелунд, выражая мнение морского офицерства и не называя имен, вспоминает о «генералах, адмиралах, сановниках», бывших «ставленниками Царя», которые «вдруг /.../ стали изменниками, заговорщиками против того, кому присягали» и «с невероятной легкостью надели красные банты, правда, не всегда спасавшие их от самосуда толпы, но зато вполне подтверждавшие их сущность» (Бьёркелунд. 2013: 6). Очевиден иной нравственный модус и

самый спектр оценок: свидетели-участники, избавленные от необходимости искать оправдания собственным поступкам, оценивают события как таковые, действия других людей и собственное эмоциональное состояние, тогда как полагающим себя творцами истории приходится прежде всего прямо или косвенно объяснять причины, побудившие их действовать определенным образом, а нередко и пытаться выдать мнимые побуждения за истинные, представляя себя жертвами исторических обстоятельств.

В известном смысле они и были таковыми, как и значительная часть населения Российской империи – неудивительно, что к теме жертвенности в том или ином варианте обращаются многие мемуаристы, прежде всего противопоставляя официальной революционной риторике контрреволюционную и развенчивая миф о «великой бескровной». Свидетели и участники событий скептически упоминают об организованных Петроградским советом торжественных похоронах мнимых «жертв революции» – случайных прохожих, убитых шальными пулями стрелявших революционеров²⁰, и пишут о фактических жертвах, которыми стали «полицейские и верные своему долгу офицеры, в громадном количестве убитые в первые и последующие дни революции на территории бывшей Российской империи» (Бьёркелунд. 2013: 31). Бьёркелунд перечисляет фамилии морских офицеров, убитых 3-5 марта в Петрограде, Кронштадте и Гельсингфорсе (Бьёркелунд. 2013: 33, 41, 57-58); вдовы морских офицеров, погибших в ходе «революционных беспорядков», подробно описывают эти «самые страшные дни стихийного ужаса в Гельсингфорсе» (БАР. Собр. Н.С.Дон. Листы не нумерованы); д-р Лодыженский вспоминает об опасности, грозившей жизни раненых фронтовых офицеров, проходивших лечение в подведомственном ему госпитале в Киеве (Лодыженский. 2007: 118 и след.); кн. Вадбольская

²⁰ Ср. эпизод из «Записок» кн. Беннигсен: «Горничная вернулась домой до того испуганная, что долго не могла говорить. Когда они вышли на Литейную и подошли к Марининской больнице, раздались сначала отдельные выстрелы, а потом пулеметная стрельба вдоль по всей улице. Страшно испуганные, они старались спрятаться за памятником Олденбургского и видели, как перед ними упало несколько человек» (БАР. Собр. А.П. и Ф.В. Беннигсен. Л. 17) и запись в дневнике в.к. Михаила Александровича от 26 февраля 1917: «Беспорядки в Петрограде усилились, на Суворовском проспекте и Знаменской убитых было около 200 чел.», а также его запись от 27 февраля о том, что ему удалось убедить ген. Беляева и Хабалова не защищать Зимний дворец и «вывести людей до рассвета из Зимнего и этим избежать неминуемого разгрома дворца революционными войсками» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 396, 397).

пишет о том, что во избежание этой опасности «приходилось очень много возиться с переименованием офицеров в солдаты и выдачей им аналогичного удостоверения» (БАР. Собр. Н.В.Вадбольской. Л. 17).

Свидетельства очевидцев вполне позволяют квалифицировать события конца февраля – начала марта 1917 года как «бессмысленный и беспощадный» бунт²¹; вероятнее всего, именно под этим названием они и вошли бы в отечественную историю, если бы одержала верх «контрреволюция», которой так опасались члены Временного комитета, приехавшие 3 марта к Михаилу Александровичу, чтобы убедить его отречься от престола. К сожалению, история не знает сослагательного наклонения – она лишь предлагает набор объективных возможностей, из которых люди обречены делать тот или иной выбор, основываясь на субъективном о них представлении. Открывавшиеся перед Россией возможности виделись непосредственным участникам событий по-разному: Михаил Александрович 1 марта писал Н.С. Брасовой о том, что «Манифестом великих князей» «начнется новое существование России» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 499); авторы «Манифеста» пытались «сохранить Ники престол»²²; члены Временного комитета и противостоявший комитету Петроградский совет стремились к власти; народ хотел «воли». В результате такого конфликта интересов «из числа неограниченных возможностей России историей избрана была возможность, казавшаяся самой невероятной: гибели монархии – и срыва народа в бездну» (Тхоржевский. 1999: 109).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беннигсен. Б.г. – Беннигсен Ф.В. Записки // Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский, далее - БАР) Колумбийского университета. Собр. А.П. и Ф.В. Беннигсен.
- Бьёркелунд. 2013 – Бьёркелунд Б.И. Воспоминания. СПб., 2013.
- Бьюкенен. 1991 – Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.
- Вадбольская. Б.г. – Воспоминания Нины Владимировны Вадбольской // БАР. Собр. Н.В. Вадбольской.
- Вел. кн. Гавриил Константинович. 1993 – Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
- Вел. кн. Кирилл Владимирович. 1996 – Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.

²¹ См. тексты телеграфной беседы М.В. Родзянко и ген. Н.В. Рузского в ночь на 2 марта 1917, участники которой называют происходившие и готовившиеся события переворотом (Николай Второй. 1994: 434-435).

²² См. переписку в.к. Павла Александровича с в.к. Кириллом Владимировичем и Родзянко от 2 марта в: (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 615-616).

- Воейков.* 1994 – Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М., 1994.
- Гурко.* 1927 – Гурко В.И. Царь и царица. Париж, 1927.
- Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича.* 2012 – т Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915–1918 / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталева. М., 2012.
- Дон. Б.г.* – Дон Н.С. Воспоминания // БАР. Собр. Н.С.Дон.
- Лодыженский.* 2007 – Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М., 2007.
- Мосолов.* 1992 – Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.
- Никитин.* 2007 – Никитин Б.В. Роковые годы: Новые показания участника. М., 2007.
- Николай Второй.* 1994 – Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
- Отречение Николая II.* 1990 – Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Ред. П.Е. Щеголева. М., 1990 (репринтное издание).
- Палеолог.* 1991 – Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- «Позорное время переживаем». 1998 – «Позорное время переживаем»: Из дневника великого князя Андрея Владимировича / Публ. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // Источник. 1998. № 3.
- Родзянко.* 1990 – Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.
- Савич.* 1993 – Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
- Скорбный путь Михаила Романова.* 1996 – Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В.М. Хрусталева, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996.
- Тхоржевский.* 1999 – Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999.
- Шелепина.* 2013 – Шелепина В.П. Воспоминания сестры милосердия (1917 – 1922) // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. О.Р. Демидовой. СПб., 2013. С. 16-39.
- Шульгин.* 1990 – Шульгин В.В. Годы. Дни. М., 1990.
- Шульгин.* 1994 – Шульгин В.В. 1917–1919 // Лица: Биографический альманах. 5. М.; СПб., 1994. С. 121-328.
- Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*
olgard55@yandex.ru